

Başlık / Title: Двучивилизационный подход к событиям российской истории: Падение империи в феврале-марте 1917 года

Yazarlar / Authors

Yuriy AFANASYEV-ŞİROKOV

ORCID ID

0000-0002-6995-5417

Bu makaleye atf için: Yuriy Afanasyev-Şirokov, Двучивилизационный подход к событиям российской истории: падение империи в феврале-марте 1917 года, *Türkiye Rusya Arařtırmaları Dergisi* 3 (2020): 144-166.

To cite this article: Yuriy Afanasyev-Şirokov, Двучивилизационный подход к событиям российской истории: падение империи в феврале-марте 1917 года, *Türkiye Rusya Arařtırmaları Dergisi* 3 (2020): 144-166.

Makale Türü / Type of Article: Arařtırma Makalesi / Research Article

Yayın Geliş Tarihi / Submission Date: 29.05.2020

Yayına Kabul Tarihi / Acceptance Date: 29.06.2020

Yayın Tarihi / Date Published: 30.06.2020

Tarandığı İndeksler / Abstracting & IndexingINDEX COPERNICUS
INTERNATIONAL

DRJI

Academic
Resource
Index
ResearchBibESJI Eurasian
Scientific
Journal
Index
www.ESJIndex.org

EuroPub

ASOS
indeks

idealonline

Tei

SIB
Scientific Indexing ServicesCiteFactor
Academic Scientific Journals

CYBERLENINKA

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Yazar: Yuriy AFANASYEV-ŞİROKOV*

Rusya Tarihindeki Olaylara İki Medeniyetli Yaklaşımı: 1917 yılı Şubat-Mart Aylarında İmparatorluğun Çöküşü

Öz: Makale, 1917 Rus Devrimi'nin başlangıcını, XX. Yüzyılın Rusya tarihindeki en önemli fenomenlerden biri olarak, toplum çalışmalarına medeniyet yaklaşımı çerçevesinde ele alıyor. Bu, yazarın Rus medeniyetinin temeli olan Rus halkındaki zihinsel-kültürel bir çatışmanın varlığını tespit etmesine imkan sağlamaktadır. XVII. yüzyılın ikinci yarısı ile XVIII. yüzyılın başlarında ortaya çıkan bu kültürel çatışma Rus medeniyetinin gelişimi üzerinde etkilidir. Bu antagonizmin temelini ise XVII. yüzyılın ortalarında Patrik Nikon'un reformları sonucunda yaşanan dini bölünme ve İmparator I. Petro'nun sosyal kurumları ve yaşam alanlarını Batılılaştırmak için ortaya koyduğu reformlar oluşturmaktadır. Tüm bunlar makalede "iki medeniyetli" kavramıyla tanımlanan fenomenin ortaya çıkışına yol açmıştır. Söz konusu kavram ise farklı değerlere ve dünya görüşüne sahip iki ayrı paradigmadan birinin diğerine tek bir medeniyet alanında eklenmesi anlamına gelmektedir. Toplumun üst ve alt katmanlarının birbirine karşı zihinsel yabancılığı ve kültürel düşmanlığı, XVIII-XIX. yüzyıllarda Rus toplumunda uzun süreli bir medeniyet içi çatışmaya sebebiyet verdi. Bu çatışma geleneksel tarım toplumunun modern topluma dönüştürülmesi sürecinde daha da şiddetlendi. XX. yüzyıl başlarında uluslararası konjonktürde yaşanan ani değişimler de bunu etkiledi. Rus medeniyetinin asırlık "sessiz çatışması", devrim ve iç savaş döneminde karşılıklı yabancılaşmanın kendine has acımasızlığı ve kana susamışlığıyla öne çıkan 1917 olayları üzerinde etkisini göstermekte gecikmedi. XX. yüzyılın başlarında "Rus toprağı"nda Batılılaşmış örgütsel yapılara karşı çıkabilecek sosyal ve kamu kurumlarının neredeyse yokluğu, 1917 yılı Rusya'sında V. İ. Lenin'in Bolşeviklerinin yönetimi ele geçirmesine sağlayacak bir yol açtı.

Anahtar Kelimeler: Rus Devrimi, medeniyet teorisi, iki medeniyetli yaklaşımı, Marksist Teori, kilise bölünmesi, kültürel Batılılaşma.

Bicivilization Method and The Context Of Russian History: The Fall Of The Empire In February-March Of 1917

Abstract: The article considers one of the key phenomena in the history of Russia in the 20th century – beginning of the Russian Revolution of 1917 through the modified optics of civilizational theory, which reveals the existence of a global mental-cultural conflict in the very thickness of the people who form the basis of Russian civilization (mir), the Russian people that arose as a result of the events of Russian history in the second half of the 17th - beginning of the 18th centuries and influencing the development of subsequent decisive events of this civilization. The mental-cultural antagonism that emerged in civilization after the religious split that followed the reform of Patriarch Nikon of the ritual side of Orthodox Christianity in Russia in the middle of the 17th century, as well as the course towards the Westernization of many social institutions and spheres of life taken by the leadership of the Russian Empire from the reign of Emperor Peter I, and the subsequent expansion of alien value attitudes, formed a phenomenon called "bicivilizationalism" in the work: the imposition of two opposing value and worldview paradigms in the same civilizational and cultural field. The mental alienness of approaches and

* Ass. Professor, Lector of the «Grace» college, St.-Petersburg/Russia, E-mail: afanasevshirocov@inbox.ru, ORCID ID: 0000-0002-6995-5417.

high cultural antagonism of the upper and lower layers, adhering to different cultural and value orientations in the 18th-19th centuries created a long smoldering internal civilization conflict in the Russian space, which especially complicated internal political unity during the period of transformation of the traditional-agrarian society into a modern society, as well as a sharp change in the foreign political dispositions of the beginning of the 20th century. The centuries-old "silent conflict" of Russian civilization was not slow to manifest itself in the influence on the motives of political and social actions of the main actors of the events of 1917, which differed due to mutual mental-cultural alienation by special cruelty and bloodthirst during the period of revolution and civil war. The ontological impossibility of the most numerous stratum of Russian civilization, the stratum, the "Russian soil" of self-determination in alien transcriptions of a modernizing society, the almost complete absence of social and public institutions capable of organizing and organically understanding the majority of the people to contrast the achievements of the national spirit with the introduced Westernized organizational forms in Russia beginning of XX century opened up great opportunities for using manipulative practices to seize power in the difficult political environment of 1917 from the forces new to political discourse, which took advantage by the Bolsheviks of V.I. Lenin.

Keywords: Russian revolution, civilization theory, bicivilization method, Marxists Theory, religious split, cultural westernization.

**Двуцивилизационный подход к событиям российской истории:
Падение империи в феврале-марте 1917 года**

Аннотация: Статья рассматривает одно из ключевых явлений истории России XX в. – начало Русской революции 1917 г. через модифицированную оптику цивилизационной теории, открывающую наличие глобального ментально-культурного конфликта в самой толще основообразующей российской цивилизации (мир) народа, - русского народа, возникшего в результате событий истории России второй половины XVII – начала XVIII вв. и оказывающего влияние на развитие последующих решающих событий этой цивилизации. Ментально-культурный антагонизм, наметившихся в цивилизационном развитии после религиозного раскола, последовавшего за реформой патриарха Никона обрядовой стороны православного христианства в России в середине XVII в., а также курса на вестернизацию многих социальных институтов и сфер жизни, взятого руководством Российской империи с правления императора Петра I, и последовавшая за этим экспансия чуждых ценностных установок, образовало феномен, именуемый в работе «двуцивилизационностью»: наложением двух противоположных ценностных и мировоззренческих парадигм в условиях одного цивилизационно-культурного поля. Ментальная чуждость подходов и высокий культурный антагонизм высших и нижних слоев, придерживавшихся разных культурно-ценностных ориентаций в XVIII-XIX вв. создал в русском пространстве длительный тлеющий внутрицивилизационный конфликт, особенно осложнивший внутривнутриполитическое единство в период трансформации традиционно-аграрного общества в общество модерна, а также резкой смены внешнеполитических раскладов начала XX в. Многовековой «тихий конфликт» российской цивилизации не замедлил проявиться во влиянии на мотивы политических и социальных действий основных акторов событий 1917 г., отличавшихся ввиду взаимного ментально-культурного отчуждения особой жестокостью и кровавостью в период революции и гражданской войны. Онтологическая невозможность самого многочисленного слоя

русской цивилизации, толщи, «русской почвы» самоопределения себя в чуждых ему транскрипциях модернизирующегося общества, практически полное отсутствие социальных и общественных институтов, способных организованно и органично для понимания большинства народа противопоставить достижения народного духа привнесенным вестернизированным организационным формам в России к началу XX в. открыли большие возможности для использования манипулятивных практик по захвату власти в сложной политической обстановке 1917 г. со стороны новых для политического дискурса сил, чем и воспользовались большевики В.И. Ленина.

Ключевые слова: Русская революция, цивилизационная теория, двучивилизационный подход, марксистская теория, церковный раскол, культурная вестернизация.

Введение

*«Велико незнание России посреди России.
Все живет в иностранных журналах и
газетах, а не в земле своей» (Н.В. Гоголь)¹*

Поливариантная практика научного исторического анализа первой четверти XXI века, весьма отзывчиво воспринимаемая аудиторией, позволяет нам по-новому взглянуть на события столетней давности – Великую русскую революцию 1917 г. и последовавшую за нею Гражданскую войну, – опираясь при этом на хорошо известные в исследовательском сообществе и фундаментально разработанные воззрения авторитетных историков-философов XIX-XX вв. В отличие от планетарных эволюционных концепций-универсумов, в том числе догматически-марксистской (сталинской²) и мир-системной (неомарксиста И. Валлерстайна³ и др.), предлагаемый в нашей работе цивилизационный подход при анализе исторических событий в России 1917-1921 гг., - который советская и постсоветская историческая наука игнорировали почти столетие, - рассматривает данный процесс в ином измерении: не через плоскую диахронную «вертикаль» («от подножия к вершине») позитивистских воззрений на историческую эволюцию, а в объёмно-пространственном «горизонтальном» охвате. Такой подход при работе позволяет исследователю избежать идеологической пристрастности в оценке так называемой (вестернизированной современным пониманием) «прогрессивности» тех или иных событий,

¹ Н.В. Гоголь, “Нужно проездиться по России (Из письма гр. Т...му). 1845”, *Избранные места из переписки с друзьями. Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя*, т. 8 (1952), 307.

² И.В. Сталин, *Вопросы ленинизма*, 11 изд. (Moskva: 1945), 535-563.

³ I. Wallerstein *The Modern World-System*, vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914 (Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 2011).

реформ или революций. Критерии общечеловеческого «прогресса в истории» при рассмотрении процесса развития каждой цивилизации отдельно, в определённой степени - самостоятельно, исходя из ценностных значимостей, созревших внутри той или иной устойчивой культурной общности, дополняются при таком подходе критериями «уникально-порождаемого прогресса», что позволяет в повестке анализа на равных обсуждать, как достоинства приобщения к прогрессу глобальному, так и внутри-цивилизационному.

Россия как отдельная цивилизация

К началу XXI столетия сторонники цивилизационного подхода в исторической науке проявили определённую готовность взять на вооружение всё полезное из наработанных К. Марксом и его последователями-марксистами выводов в части производственно-экономических и социально-культурных отношений той или другой цивилизационной общности (с акцентом на особенности их реализации в конкретных условиях), чего нельзя было сказать о марксистах-догматиках 1920-30-х гг. принципиально-отвергавших мультикультурный взгляд на историю. Аналогичным было и их отношение к геополитическим наработкам кон. XIX - сер. XX вв. (А. Мэхэна, Х. Маккиндера, К. Хаусхофера, Н. Спикмэна⁴), которые их оппоненты по цивилизационному анализу истории взвешенно учитывали, а ортодоксы классового и формационного мироустройства категорически отвергали как «лженауку».

«Россия - это не просто страна, это действительно отдельная цивилизация»,⁵ - такое мнение высказал президент В.В. Путин в интервью программе «Москва. Кремль. Путин» на телеканале «Россия 1» в сентябре 2019 г.

Следует сразу оговориться, что данное суждение общепризнанно-авторитетного национального лидера современного российского

⁴ А. Т. Mahan, *The Influence of Sea Power Upon History, 1660-1783* (Boston: Little, Brown & Co., 1890); H.J. Mackinder, *Democratic Ideals and Reality* (New York: Holt, 1919); К. Hauschofer, *Grenzen in ihrer geographischen und politischen bedeutung* (Berlin-Grunewald, 1927); N.J. Spykman, *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power* (New York: Harcourt, Brace and Company, 1942).

⁵ «Путин назвал Россию отдельной цивилизацией», *КоммерсантЪ*, 17 мая 2020, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4347719?from=hotnews> (25.05.2020 accessed data); Путину вторит председатель правления фонда «Русский мир», политолог и учёный В.А. Никонов в своей монографии, указывая на качественные характеристики русской цивилизации в современном мире: В.А. Никонов, *Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего?* (М.: ЭКСМО, 2020).

государства вовсе не является открытием. Скорее оно лишь привлекает широкое внимание к воззрению, утвердившему себя в науке в XIX и XX столетиях. В широко ныне известном научному сообществу работах немецкий историк Г. Рюккерт называет данный феномен «восточно-христианским (славянским) культурным типом»,⁶ русский культуролог Н.Я. Данилевский - «культурно-историческим типом» «новой славянской цивилизации»,⁷ немецкий историософ О. Шпенглер - «русско-сибирской» «высокой культурой»,⁸ британский историк и философ А.Д. Тойнби - «православной христианской цивилизацией в России»,⁹ американский социолог и геополитик С. Хантингтон - просто «православной цивилизацией» (Orthodox civilization).¹⁰ Не вдаваясь в характерные оттенки каждого из названных определений, невозможно отрицать их общий знаменатель, которого придерживаются эти авторитетные для науки мыслители: признание за Россией и миром, культурно к ней тяготеющим, некоей эволюционно-исторической самостоятельности и перспективы.

Таким образом, признание цивилизационного подхода в историческом анализе есть явление устойчивое и апробированное. Факт констатации в науке существования отдельной российской цивилизации (Русского Мира) общепризнан. И, наконец, беспорное внимание одного из ведущих современных политиков к происходящему на его глазах эволюционному развитию названной социокультурной общности несомненно актуализирует тему, нами рассматриваемую.

Объём данной статьи не позволяет погрузиться в действительно-специализированный исторический анализ событий и фактов Русской революции и порождённой ею гражданской войны. Скорее, мы предложим здесь некую переоценку - новый взгляд на те, уже далёкие, революционные процессы 1917-1921 гг., отталкиваясь от специфичности основ русской цивилизации, её двухвековой эволюции, от её несомненных особенностей и уникальности в мировой истории.

Февральский переворот

⁶ H. Rükkert, *Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung*, v.1 (Leipzig: 1857)

⁷ Н.Я. Данилевский, *Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому* (Спб.: Т-во «Обществ. Польза», 1871)

⁸ O. A. G. Spengler, *Der Untergang des Abendlandes. Band 1: Gestalt und Wirklichkeit*, Band 2: *Welthistorische Perspektiven* (Wien: Braumüller, 1918; München: C. H. Beck, 1922).

⁹ A. J. Toynbee, *Study of History* (London; New York; Toronto, 1934-1961).

¹⁰ S.P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (NY: Simon and Schuster, 1996).

На то, что произошло в Петрограде в конце февраля – начале марта 1917 г. допустимо посмотреть без подсказа теории К. Маркса о «классовой борьбе¹¹», без формулы В.И. Ленина о «революционной ситуации».¹²

Есть основания подвергнуть анализу истоки и духовно-движущие силы слома государства и гражданской войны в России с непривычной для российских историков стороны – под углом культурно-цивилизационных различий сил, принявших участие в тектонических революционно-социальных сдвигах 1917-21 гг.

Невозможно отрицать, что те, кто спровоцировал отречение 2 марта 1917 г. царя-самодержца (абсолютного монарха, исторически олицетворявшего законность в государстве) - т.е. кадетско-октябристская либеральная элита Российской империи, - как и те, кто согласился с обрушением существовавшего до этого порядка (сам Николай II, династия, правительство монархистов-консерваторов), олицетворяли собой проевропейское культурное начало в российской общности.

В феврале к «раскачиванию лодки» общественного правопорядка в Петрограде оказались причастны и социалисты всех оттенков в лице самопровозглашенного Совета рабочих и солдатских депутатов. При всех шорах марксистского классового мировоззрения эти социалистические левые не противопоставляли себя западному опыту, европейской цивилизованности – сами являлись носителями англо-франко-германской развитости! - и определённо выступали за развитие революционного процесса в России по зарубежным схемам.

Но, конечно же, лицо антиправительственным выступлениям в столичном мегаполисе в те дни всё же определили 200-400-тысячная забастовка фабрично-заводских рабочих, принявших активное участие в уличных беспорядках, и вышедший из подчинения властям и офицерскому корпусу, заражённый антивоенными настроениями солдат-тыловиков Петроградский гарнизон. Столь массовое проявление оппозиционных настроений сопровождалось эксцессами, свойственными по определению русского поэта А.С. Пушкина «русскому бунту, бессмысленному и беспощадному»: разгромом тюрем, судов, участков полиции, убийствами армейских офицеров и массовым избиением полицейских, грабежами и мародёрством. Число убитых и раненых на петроградских улицах в эти дни достигло почти полутора

¹¹ К.Н. Marx and F. Engels, *Manifest der Kommunistischen Partei* (London: 1848).

¹² В.И. Ленин, «Маевка революционного пролетариата, Полное собрание сочинений В.И. Ленина, т.23 (1973): 297.

тысяч. В результате же кровавых расправ 3 и 4 марта в Кронштадте и Гельсингфорсе от рук взбунтовавшихся матросов Балтийского флота погибло до двухсот офицеров, включая 7 главноначальствующих адмиралов и генералов.

Подобные экстремистские действия бунтующих масс, ангажированные идеологизированными подходами советские пропагандисты ещё недавно оценивали, исходя из политической целесообразности момента: при желании акцентировать негатив в поведении – ссылались на «темноту, невежество, безграмотность и ... отголоски 300-летнего крепостного рабства». При акценте на позитив - на «революционную стихию трудящихся масс, ненависть к эксплуататорам, ожесточение классовой борьбы, отречение от старого мира, рождение новой жизни через муки и кровь».

При этом обходили полным молчанием, что в российских революционных процессах присутствовала ещё и антагонистическая (зачастую кровавая и безобразная!) культурно-цивилизационная месть почвеннической народной массы господствующим, по-европейски образованным слоям общества - 200 лет их угнетающим или просто возвышающимися над ними. Сколь это было первейшим, решающим в революционных процессах того времени предстоит ещё разобраться десяткам исследователей внутри-цивилизационных противоречий в новейшей русской истории. «Без жертв революций не бывает» - бытует расхожее мнение. Не будем его оспаривать.

Но обратим особое внимание на некий антигосударственный акт, обнародованный именно 2 марта 1917 г., за день до отречения слабовольного императора от верховной власти и за день-два до массового избиения флотских командиров, - акт, который за 2-3 последовавших недели преумножил число революционно-распропагандированных мужчин в шинелях на добрый десяток миллионов! - и который несомненно сразу задал Русской революции нечто неслыханное в современной истории, потрясшее тысячелетние основы практикуемого всеми военного порядка.

Речь о Приказе №1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, выпущенном в количестве 9 млн. экз., и в считанные дни разлетевшимся по стране, по всем фронтам и тыловым воинским частям.

Миллионам военнотружущих русской армии и флота предлагалось фактически выйти из прямого подчинения своим непосредственным командирам и начальникам и выполнять указания комитетов, выбранных самими солдатами и матросами (по сути, ставя эти

новоизобретённые самостоятельные структуры, управляемые антивоенными желаниями массы непрофессионалов, над им подчинённым традиционным, апробированным, командным механизмом). Т.е. в военный организм в тяжёлые годы Великой и кровавой войны – явно не ко времени! – внедрялись принципы гражданской демократии, выборного самоуправления. Т.е. фактически упразднялись повсеместно практикуемые в мире принципы единоначалия и беспрекословной воинской дисциплины. Т.е., как следствие, провоцировались дезорганизация и разложение боеспособности 11-миллионной воинской массы, столь значительные, что они могли обрушить государство, которое эта масса олицетворяла.

История подсказывает нам, что такого разрушающего эффективность военной машины «членовредительства» не было ни до, ни после событий тех лет ни в одной из армий мира.

Последствия Приказа №1 дали о себе знать чрезвычайно быстро. Армия и флот, которые до марта 1917 г. проявляли приемлемую в целом организованность в выполнении приказов командования, стали другими. К маю 1917 г. формируются до 50 тыс. солдатских и матросских комитетов разных уровней, в которых состоит до 300 тыс. человек. Теперь уже они фактически властвовали в воинских частях и подразделениях, при этом не отвечая персонально за результаты введённого в практику самоуправления.

Кто же является автором «злодеем» столь деструктивного и масштабнейшего по своим негативным последствиям для российской государственности акта, приведшему к катастрофическому поражению огромной страны в Первую мировую войну? Если пробовать ответить «по букве», то здесь окажется уместной формула, принятая в манипулятивной советской пропаганде: приказ №1 есть «коллективное творчество» народных масс – т.е. экзальтированных, опасющихся наказания за участие в антиправительственном бунте малограмотных солдат Петроградского гарнизона, вчерашних крестьян (Преступность данного акта по отношению к армии пришедшие к власти новые лица уяснили для себя уже на следующий день после опубликования, вместе с пониманием грядущей катастрофы для государства в условиях войны. Даже социалисты-экстремисты, в суматошно «революционном угаре» принявшие участие в редактировании этого документа, в дальнейшем оправдывали абсурд своего деяния за пределами для здравого смысла «интересами революции», но - не нации, не общества, не государственного порядка).

Значит, получается - «народ виноват», который в шинелях? Его неграмотность, неопытность, непонимание государственных интересов, политическая безответственность - глупость, в конце концов? Попробуем разобраться.

Армия как народная масса: социальные, экономические, культурные основы

Что из себя представляла русская армия к 1917 г.? И народ в целом, который называли «Россией» на тот момент?

160-тысячный гарнизон Петрограда состоял из запасных батальонов 14-ти гвардейских полков. Рядовой личный состав – заштатные, далёкие от войны резервисты 4-й очереди (солдаты старших возрастов, 32-х-42-х лет, прошедшие одно-двухмесячную подготовку), втиснутые в столичные казармы, рассчитанные на размещение 20 тыс. человек. От 70 до 90% - это были вчерашние крестьяне, православные славяне (русские, малороссы, белорусы). В своей массе – неграмотные¹³ (Следует помнить, что в целом по стране грамотных тогда насчитывалось не более 20% ото всего населения. Из них только 4% соответствовали уровню среднего образования и менее 0,0001% - университетскому). Старшие офицеры – представители правящей элиты империи. При этом третья часть командных должностей в гвардии была замещена остзейскими немцами, чужаками-господами, ментально отторгаемыми православной крестьянско-солдатской массой. Командиры же на уровне рот – неопытные младшие офицеры третьего года войны, без боевого опыта, вчерашние мирные люди из учащейся молодёжи, как правило - прошедшие ускоренное обучение в школе прапорщиков.¹⁴ Вот, как военный историк А.А. Керсновский описывает моральное состояние этих солдатских «полчищ четвёртой очереди»: «Взятые от сохи новобранцы и не проходившие раньше службы в войсках ратники 2-го разряда попадали в запасные полки. ... Нагромождение запасных войск в больших городах имело огромное развращающее влияние на людей. Глазам солдата открывалась разгульная картина тыла с его бесчисленными соблазнами, бурлившей ночной жизнью, повальным развратом общественных организаций, наглой, бьющей в глаза роскошью, созданной на крови ... Подобно запасным частям, лазареты

¹³ С.Г. Кара-Мурза, *Гражданская война (1918 -1921) - урок для XXI века* (М.: Эксмо: АЛГОРИТМ, 2003): 5-20.

¹⁴ Е.И. Мартынов, *Царская армия в февральском перевороте. Политика и стратегия* (М.: Изд. дом «Финансовый контроль», 2003): 153.

были тоже скучены в больших городах. И население, и войска могли свободно созерцать ужасы войны».¹⁵

Добавьте к этому слух о предполагаемой массовой отправке на фронт именно 1 марта. Далёкие от войны солдаты Петроградского гарнизона, наслышанные о больших потерях на передовой, явно нервничали и искали повод не оказаться в окопах.

Повод создала 200-тысячная (по началу) забастовка рабочих петроградских фабрик и заводов.

Посмотрим теперь на социально-экономическое положение этого кластера населения. На 902 предприятиях Петрограда к началу 1917 г. было занято около 400 тыс. рабочих, из них 200-220 тыс. — кадровых. Т.е. почти половина фабрично-заводского слоя были рабочие низкой квалификации-полукрестьяне-маргиналы. Хотя в военное время цены на продукты первой необходимости стремительно росли (к концу 1916 г. — более чем в три раза по сравнению с довоенным временем),¹⁶ заработки рабочих в первые два года войны повышались ещё быстрее, чем цены на продовольствие, в связи с нехваткой рабочих рук для быстро растущей военной промышленности. Так, в 1914 г. рабочий тратил на питание для всей семьи 44 % своего заработка, в 1915 г. на такой же рацион питания у него уходило 42 %, а в 1916 25 %.¹⁷ К 1917 г. «квалифицированный столичный рабочий на оборонном заводе получал редко меньше пяти рублей в день, чернорабочий — трёх, в то время как фунт чёрного хлеба стоил 5 коп., говядины — 40 коп., сливочного масла — 50 коп., и все эти продукты были в продаже».¹⁸ «Зарботки российских рабочих были одними из самых высоких в мире, занимая второе место после зарботков американских рабочих. Реальный уровень оплаты труда в промышленности России был достаточно высок и опережал уровень оплаты труда в Англии, Германии, Франции.

Высокий уровень заработной платы русских рабочих сочетался с большим, чем в других странах, количеством выходных и праздничных дней. У промышленных рабочих число выходных и праздников составляло 100—110, а у крестьян достигало даже 140 дней в год. ... Перед самой революцией продолжительность рабочего года в России составляла в промышленности в среднем около 250, а в сельском

¹⁵ А.А. Керсновский, *История Русской Армии в 4-х тт. (1933-1938)*, т.4. (М.: Голос, 1994).

¹⁶ А. Л. Сидоров, *Финансовое положение России в годы первой мировой войны, 1914—1917 гг.* (М.: Изд-во АН СССР, 1960): 147.

¹⁷ С.Г. Струмилин, *Проблемы экономики труда* (М.: Наука, 1982): 305.

¹⁸ А.Б. Зубов, *История России, XX век: 1894-1939* (М.: Астрель-АСТ, 2010)

хозяйстве — около 230 дней. Для сравнения скажем, что в Европе эти цифры были совсем иными — около 300 рабочих дней в год, а в Англии — даже 310 дней».¹⁹ Известно также, что налоги, которые платили рабочие (и вообще люди наёмного труда) в России при Николае II (вплоть до его отречения), были самыми низкими среди всех развитых стран. В царской России во время Первой мировой войны не вводилась карточная система на продукты (кроме как на сахар, с августа 1916 г.).²⁰ Бесспорно, что уровень грамотности у квалифицированных рабочих был выше, чем даже у умеющих читать крестьян. Потому далеко не случайно матросы военного флота набирались преимущественно из числа фабричных и заводских рабочих Петрограда и Москвы. Сами условия морской службы требовали людей со специальной технической подготовкой, предъявляя спрос на обученных азам механики профессионалов. Кронштадтские матросы — это были почти сплошь вчерашние городские рабочие и, по мнению морского командования, распропагандированные социалистами, неблагонадежные. Но возвращаясь к тем чудовищным расправам, которые учинили они над своими офицерами и адмиралами в первые дни марта, невольно задаёшь уточняющий, вопрос: только ли «распропагандированность» и классовая ненависть провоцировала вчерашних слесарей, токарей, кузнецов, а теперь - матросов на эту запредельную жестокость, беззаконье, ничем и никем не пресекаемую преступную вседозволенность?

И здесь же сопрягаем этот факт с другими: на 100 убитых на фронте в русской армии ту войну приходилось 300 пленных, тогда как в германской, английской и французской армиях на ту же скорбную сотню — от 20 до 26-ти. Т.е. русские сдавались в плен в 11,5-15 раз чаще, чем солдаты армии противника и чем - союзных России армий.²¹ Т.е. наши «простые солдаты» на порядок – на полтора порядка меньше, чем «простые» немцы, англичане и французы ощущали в себе преданность долгу, присяге, государству и его интересам? Объяснить такое одной лишь классовой ненавистью, согласно В.И. Ленину, будет лукавым упрощением. Тем более, если мы вернёмся к цифрам экономистов, сравнивающих материальное положение русских рабочих в те годы с

¹⁹ С. Г. Струмилин, *Очерки экономической истории России и СССР*. (М.: Наука, 1966): 122-123.

²⁰ С. Г. Струмилин, *Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913-1922 г.* (М.: Вопросы труда, 1923): 19-20.

²¹ Р. Пайпс, *Русская революция. Книга 1. Агония старого режима 1905—1917* (М.: изд. «дом Захаров», 2005): 92.

положением их товарищей по классу в ведущих воюющих странах Европы.

Что за этим может стоять? ... Русский православный крестьянин, как и русский, во многом расхристанный и маргинализирующийся рабочий оказывается, в своём большинстве, не желал погибнуть (в отличие от немцев, французов, англичан) за где-то абстрактную для его миропонимания, многоязычную, разноукладную, с господскою (с «немецкою») культурой и бытом империю. За государство, в котором правила чужие его духу начала, законы, мораль. Призыв «За веру, царя и Отечество!» уже не пытал столь остро и совестливо его сознание. Он понимал, что лишишь солдат конечностей, здоровья, жизни, – и он уже не кормилец-спаситель своей семьи. Вот через что грядёт гибель его дому, его конкретному малому Отечеству! ... Потому лучше в плен. Там не опасно и кормят не впроголодь.

Так мог думать простой воюющий русский крестьянин и рабочий до 2 марта 1917 г.... И вот тут, вдруг, явилось нечто сверхъестественное, о котором даже «ясновидец» В.И. Ульянов-Ленин не мечтал в Цюрихе за три недели до случившегося. «Царь отрёкся от престола!» Это событие перевернуло всё в России. Оно впустило наружу те плохо прощупываемые европейским взглядом почвеннические силы, не приемлющие как оказалось двучивилизационный порядок имперской России, которые последние 100 лет, с Пугачёвщины, не подавали голоса, - как оказалось силы самодостаточные, жизнестойкие и саморазвивающиеся. «Джинн» русского почвеннического начала «был выпущен из бутылки» разрушающейся на глазах всего мира двухсотлетней имперской государственности.

Подрыв духовного единства русской общности в XVII веке с последовавшей за тем западноевропейской культурной экспансией

Уникальность культурного (цивилизационного) состояния Русского Мира (цивилизации, историко-культурного типа, общности) в последние 300-350 лет историческая наука (философия истории, историософия) с полным основанием может определять, как - двучивилизационное, как симбиоз (сожительство) двух культурных начал (западноевропейского и изначально-почвеннического) в одной духовно-социально-исторической данности, которая всегда сопрягается с понятием «Россия».

В согласии с общепринятыми цивилизационными подходами в исторической науке (и, непосредственно, - с закономерностью *Challenge*

and response, отстаиваемой А. Тойнби) рождению данного феномена предшествовал т.н. «внешний вызов», который пережила нарождающаяся русская цивилизация на рубеже XVI-XVII вв. со стороны ближайшей соседки – европейской западно-христианской цивилизации. Любопытно, что Европа за 500-600 лет до рассматриваемого времени сама пережила нечто похожее. Тогда в эпоху испанской Реконксты (X-XIV вв.) и Крестовых походов в Средиземноморье (XI-XIII вв.) внешний вызов прежним формам своего существования западно-христианская цивилизация получила от соприкосновения с образовательными и технологическими достижениями исламской цивилизации. Ответ западного мира ощущался на протяжении последующих пяти с половиной столетий, входя исторически последовательно в цивилизационную практику в виде трёх пластов культурной реализации, а именно:

- Образовательно-просвещенческой (создание университетов с кон. XI в.: многократное преумножение слоя знающих людей²²; культурный расцвет Проторенессанса 2-я пол. XIII- XIV вв. и Раннего Ренессанса в Италии с нач. XV в.);

- Технологической (эффект в производстве от разделения труда /мануфактуры/, взрыв книгопечатания, начало эпохи океанского мореплавания и Великих географических открытий с сер. XV в.).

- Духовно-религиозной (революции и последовавшие за ними гражданские войны XVI-1-й пол. XVII вв.).

Цивилизационным вызовом для России (Московии) становится весьма болезненное культурное и геополитическое соприкосновение с Европой во 2-й пол. XVI в. и, особенно, - краткая, но оккупация государствообразующего центра страны поляками в нач. XVII в. Творческое меньшинство (по А. Тойнби) было поставлено перед необходимостью предложить цивилизационно свой, модернизирующий Русский православный мир ответ. И он был предложен. Россия пошла на сближение с Западом. Но в отличие от Европы XII-XIV вв., Японии 2-й пол. XIX в., коммунистическо-конфуцианского Китая последней четверти XX в. московская Россия начала свою модернизацию от конца – с пласта духовно-религиозной культурной реализации.

С 1650-х гг. в контексте церковных реформ патриарха Никона начинается «причѣсывание» государство-скрепляющей религии

²² В Европе к нач. XV в. - 15 университетов. Всего же до начала XVI в. в Европе насчитывалось 79 университетов.

Русского царства в её национально-региональной органике под ортодоксальные каноны восточного, греческого христианства – происходит очищение практикуемого в Северо-Восточной Руси православия от 500-летних наслоений его московского извода. При этом реформирование русского православия осуществлялось в жесточайших традициях Средневековья: бескомпромиссно, безжалостно и кроваво – весь последующий век.

Как показали дальнейшие столетия русской истории никонианская реформа расколола доминирующее до того момента в протонациональном сознании духовно-культурное единство русской общности: верхи социума (подавляющая часть) приняли новый обряд (сближавший их среди прочего с православной обрядностью, практикуемой в русском Поднепровье – на территориях Белой и Малой Руси). Низы же и срединная часть социальной пирамиды - или ушли в раскол, придерживаясь обрядов старой веры, или (и таких были миллионы) неафишируемо стали придерживаться некоего «нетвёрдого», конформистского, половинчатого выбора. Но несомненно то, что проведённая ревизия прежнего церковного порядка и модернизация духовной жизни в целом деформировали скрепы будущего национально-цивилизационного религиозного сознания, до того момента, ощущавшего своё социально-культурное братство, родственность, крепость и сплочённость. Раскол (предельно ёмкая и образная характеристика в русском языке произошедшего) прошёл не только по церковной обрядности, но и по самому духу Русской общности. Именно с этих лет мы начинаем ощущать в ней противопоставление и зачатки антагонизма двух социально-культурных сред – низовой почвы и теряющего с нею духовную связь обновляющегося верха.

Следующим был технологический модернизирующий натиск петровских реформ кон. XVII – нач. XVIII вв. Кроме инструментально-полезных для русской цивилизации нововведений (в промышленности, военном и морском деле), он привносит также те компоненты, которые кладут начало кардинальному преобразованию пирамиды социально-культурного устройства Русского мира. Расширение правящего слоя за счёт чужеземного (европейского), иноверческого контингента, тотальный апгрейд бытового лица – до неузнаваемости его православными единоверцами! - старой, ранее признаваемой всеми аристократии, привнесение в прежние традиции управления обществом и государством западных («немецких») бюрократических

принципов и форм преобразуют руководящее этим миром творческое меньшинство в элиту (по А. Тойнби).

Наконец, третьим этапом проводимой в России модернизации (в отличие от средневековой европейской, положившей начало западного «ответа на вызов») явилось образовательно-просвещенческое окультуривание элиты молодой Империи в екатерининскую эпоху 2-й пол. XVIII столетия. И без того в значительной степени потерявшая за полвека свою цивилизационную неповторимость, не имевшая встречного противоядия через ликвидированные к кон. XVII в. зачатки самобытных просвещенческих и образовательных форм «старого» православия,²³ новая трансформированная элита России с готовностью впитывала европейские знания, образованность, науку, демонстрируя несомненные успехи в этом своём стремлении. Но желая идти в ногу с европейским прогрессом, верхи русского общества объективно всё больше и больше удалялись от его низов – от почвы государствообразующего этноса. И почва реагировала на этот разрыв своим духовно-культурным протестом.

Советская историческая наука охотно исследовала масштабные выступления народных масс в XVII-XVIII вв. против правящего в России господствующего слоя, рассматривая данные проявления исключительно через призму марксистской концепции социальной классовой борьбы. В этом ряду восстание монахов-старообрядцев Соловецкого монастыря в 1668-76 гг., разбойная Разинщина на Волге в 1670-71 гг., стрелецкий бунт с требованием вернуться к православию «старого обряда» 1682 г., стрелецкие бунты 1698, 1705-06 гг., Булавинское казачье восстание 1707-08 гг. на Дону, крестьянская война 1773-75 гг. под

²³ Можно предположить, что их ликвидация есть следствие модернизационного «подрыва» московского извода православия обновителями-никонианами, когда «новое» уничтожило позитивные «ростки» в «старой вере». Возвращаясь к опыту Средневековой Европы, Японии 2-й пол. XIX в., коммунистическо-конфуцианского Китая посл. четв. XX в., можно увидеть, что в пику русскому опыту XVIII-XIX вв., рождение и кристаллизация цивилизационно-своеобразной, эффективно обучающей молодёжь системы образования и просвещения (в уникальных условиях взятой конкретной цивилизационной общности) действенны и дают жизнеспособный результат только тогда, когда этому процессу не предшествует этап духовного слома, революционных подмен, культурного разброда и шатаний. «Своя школа», качественное, системное приобщение к своим цивилизационным ценностям позволяет успешно «фильтровать» всё духовно-инокультурное, сомнительное, с чем приходится сталкиваться познающей личности при знакомстве с чужими технологиями и научным знанием. Сегодня опыт действенной фильтрации при работе с современным контентом мы наблюдаем отчасти у представителей китайской и исламской цивилизаций.

предводительством Емельяна Пугачёва. Не подвергая сомнению данные о социально-экономических причинах этих антиправительственных выступлений, хотелось бы обратить внимание специалистов-историков на фактор внутри-цивилизационного, духовно-культурного антагонизма и категорического неприятия, присутствовавший в эксцессах отрицания русской цивилизационной почвой её переродившейся элиты.

Исторически так сложилось, что русско-почвенническое, преимущественно – крестьянское, православное по своим духовно-религиозным корням большинство, составлявшее в Российской империи к 1917 г. не менее 80% населения, все предшествующие 250 лет не было представлено в обществе, как своими институтами (во власти, церкви, управлении, печати), так и в системе образовательных, воспитывающих учреждений (школ, гимназий, училищ, университетов). Политическое своеобразие ситуации было в том, что и само школьное знание (грамотность), и церковная официальная жизнь, и судебно-бюрократическая практика, и наука, и литература, и искусство России XVIII-XIX вв. сформировались на основе чужого - европейского опыта и в дальнейшем получили развитие, ориентируясь на образцы, пришедшие с Запада (в начале - голландские, потом немецкие, потом французские, снова немецкие). Т.е. произошло копирование чужих форм с благим намерением «влисть» в них своё содержание. А дальше ... цивилизационная почва стала отторгать генетически ей чуждые имплантаты. Не принимать знания (и пр., и пр.) через формы, порождённые ментальностью иного типа культуры.²⁴

Революционный потенциал мира русской почвы через призму событий февраля-марта 1917 г.

За 30 лет до падения империи русские народники, будучи по духу революционерами-ниспровергателями существующего властного порядка (т.е. по методологии мышления – западниками: русское светское образование сер. XIX в. ничем иным и не могло их вооружить!), вообразили себе, что найдут специфические организационные механизмы для революции в самоорганизующейся русской крестьянской общине. Такие предположения казались ошибочными. С одной стороны, нехристи-народники, по-городскому/по-европейски

²⁴ К слову, даже в этом можно увидеть причины достаточно повсеместного до сего дня равнодушия и пренебрежения представителей русского/ малороссийского/ белорусского почвеннического слоя к европейской образованности, науке, инструментарию мышления, пропитанными рефлексией, характеристиками иной, нерусской цивилизации.

воспитанные, вызывали у народно-православных крестьян, как минимум, недоверие, а с другой – нравственный потенциал крестьянско-общинного мировоззрения был направлен не на разрушение (не на борьбу – даже во имя некоего позитивного!), а на гармоническое сосуществование всего многообразия в тебе и в твоих соплеменниках и со-общинниках со всем многообразием мира Божьего. Далеко не случайно существенное место в этом идеале занимает помощь всей общины слабейшим, больным и убогим, так как никакие социальные революции не отменяли несовершенство, вменяемое человеку природой. Гармоническое, а не насилующее человека и природу начало сидело в глубинах крестьянского почвеннического сознания. Оно было вполне понятно буддистам-китайцам и индийцам, язычникам джунглей, тайги и тундры, но не завоевателям-европейцам. Казалось, что нравственный почвеннический опыт крестьянской общины не был заострён на динамичные, а тем более – революционные преобразования в духе соседствующей западной цивилизации.

Тем не менее, в 1905 г. М. Вебер высказывает мнение, что грядущая русская революция будет революцией нового типа, причём первая в новом поколении освободительных.²⁵ Что здесь подразумевал немецкий философ-социолог? Освободительной от кого? От чужеземного господства, как в Китае или Индии? От национального угнетения как в Африке или Латинской Америке? Или от деградирующей в те годы верховной власти в государстве и от правящей, иноцивилизационной по отношению к народной массе элиты?.. При всей пестроте простого народа: крестьянства и полукрестьян-полурабочих, находившихся внизу социальной пирамиды, – они чувствовали себя под господами, в зависимом отношении от людей не только иного социального статуса и материальных возможностей, но и – общекультурного.

Потому-то идея об освобождении от всего до 1917 г. господствующего в его повседневной «по европейским образцам» жизни (включая бытовое поведение) могла показаться простому человеку очень даже милой сердцу. Человеку, вырванному из органичной для него почвеннической культурной среды: чернорабочему, оставившему семью в деревне, снимающему угол в полуподвале огромного каменного города; крестьянину в солдатской шинели, тоскующего в казарме по мирной, привычной повседневности. Освобождения от запрета на сквернословие, лужанья семечек на тротуарах, шумного и непристойного, хамского поведения, от «извините-пардоньте, да пожалуйста-мерси!», – т.е., по

²⁵ С.Г. Кара-Мурза, *Крах СССР. Кто виноват?* (М.: Алгоритм, 2016).

сути, - от запретов на всё маргинальное-полугородское, чего хватывался вчерашний деревенский житель, не привитый прежней общинной культурой от инфекций урбанистического, оторванного от традиций, существования в официально-европейском городе, оказавшись в новой для него, куда более динамичной и по-западному агрессивной среде.

Именно этим поражал Петроград первых дней революции, на улицах которого теперь царствовал «выпущенный из бутылки Джинн» русской почвы. Поражал не только обывателей, не только растерявшийся прежний правящий класс и либералов-кадетов, но и революционеров всех мастей: эсеров, социал-демократов-меньшевиков и даже большевиков-теоретиков (по выражению И.Сталина), которые, будучи людьми западных воззрений, не знали в какую сторону может пойти революционный процесс в неевропейской по сути стране, мечтая лишь об умиротворении разбушевавшейся, культурно им чуждой народно-почвеннической стихии. Приехавший из Швейцарии в апреле 1917 г. В. Ленин, предельно верно оценив боевой потенциал масс, стремящихся ниспровергнуть целиком существовавший прежде порядок, направил его в русло захвата верховной власти для большевиков-ленинцев.

«В течение нескольких месяцев малограмотные элементы, среди которых центральное место занимали крестьяне в солдатских шинелях, решительно возобладали над интеллектуальной городской частью партии... Обуянные жаждой насилия и злобой, выросшие на сельской ниве и орошённые кровью трехлетней войны, свободные от марксистских догм, о которых они мало что знали, эти политически малообразованные бойцы из народных масс, представители, так сказать, «плебейского» большевизма, постепенно затмевавшего большевизм «научный», интеллектуальный, не слишком интересовались вопросом, необходим ли «буржуазный этап» революции и не пора ли переходить к социализму. Сторонники прямых действий, переворота, они были яростными приверженцами того большевизма, где теоретические дебаты уступили место одному вопросу, поставленному на повестку дня, — взятию власти».²⁶

Таким образом, начиная с конца апреля 1917 г. у самых активных участников революционного процесса появились свои мега-цели: у многотысячных масс ниспровергателей - разрушить до основания прежнее двуцивилизационное устройство государства; у В. Ленина и

²⁶ С. Куртуа, и др., *Чёрная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии* (М.: «Три Века Истории», 1999): 5 – 13.

большевиков – захватить власть в стране, «а там посмотрим...». Дальнейший ход истории показал, что осуществить задуманное полностью удалось только большевикам. Радикалов-ниспровергателей («Джина») сталинский режим обратно «загнал в бутылку», но уже свою. А двуцивилизационное существование - сожительство двух начал в русской культурной общности продолжило свой исторический путь в XX и в XXI столетиях в СССР и в новой России.

Заключение

Недопустимо не замечать, что европейское культурное начало, духовно зажившее в русском цивилизационном пространстве, с конца XVIII в. целеустремлённо, где-то самоотверженно «окультуривает» русскую почву буквально до сегодняшнего дня. Искренне стремится превратить русских людей в европейцев, желая привести в их жизнь некие позитивные, благотворные с точки зрения западного человека моменты. Вольно или невольно русский западник склонен «упразднить» какие-либо цивилизационные различия между нами, как ненужные, мешающие поступательному движению к общечеловеческому прогрессу. Определённо точно, - стремится «вмонтировать» русскую общность в едино-европейскую цивилизацию. Почва же сопротивляется. Причём без особой, по-европейски-изошрённой аргументации. «Нет, и всё!» Признавая многое полезное, что привносят в нашу совместную жизнь русские западники, технологии и пр., русская почва подходит к рубежу «красных линий» (алогичных, несуразных для прагматического восприятия) и останавливается, - а то и откатывается назад. Как в эпохальном фильме Вернера Херцога про австралийских аборигенов: «Нельзя! ... Потому что здесь грезят зелёные муравьи...». Именно в таком иррациональном глубинном подходе можно найти подсказку, почему русская почва отвергает капитализм, авантюризм бизнес-успешности, современные западные ценности, поддерживает 20 лет В. Путина. «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...», сказал Поэт.

Симбиоз двух цивилизационных начал сожительствует в одной общности, проходя через эпохи (иногда конфликтуя: в 1917-21 гг., в 1990-е гг., но чаще – длительно-плодотворно). Переплетено всего и вся в друг друга за эти века столько, что трудно вообразить, что каждое из начал (малое – русско-европейское и большое – русско-почвенническое) способны проявлять себя в некоем отдельном, суверенном режиме. Но и

процесс ассимиляции их не берёт. У каждого из них нет предпосылок раствориться в партнёре и исчезнуть в нём.

В русской общности уже более двух с половиной столетий присутствуют и живут два цивилизационных начала (исконное и привнесённое), придавая ей уникальное, феноменологическое обличие – *ДВУЦИВИЛИЗАЦИОННОСТЬ*.

Список источников и литературы

Опубликованные источники

- Гоголь Н.В. "Нужно проездиться по России (Из письма гр. Т...му). 1845".
Избранные места из переписки с друзьями. Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя. т.8. 1952, 307-308.
- Ленин В.И., "Маевка революционного пролетариата". *Полное собрание сочинений В.И. Ленина*, т.23. 1973, 296-305.
- Marx K.H. and F. Engels. *Manifest der Kommunistischen Partei.* London: 1848.
- «Путин назвал Россию отдельной цивилизацией», *КоммерсантЪ*, 17 мая 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4347719?from=hotnews> (accessed data 25.05.2020).

Литература

- Данилевский, Н.Я. *Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому.* Спб.: Тип «Общ. Польза», 1871.
- Зубов, А.Б. *История России, XX век: 1894-1939.* М.: Астрель-АСТ, 2010.
- Кара-Мурза, С.Г. *Гражданская война (1918 -1921) - урок для XXI века.* М.: Эксмо: АЛГОРИТМ, 2003.
- Кара-Мурза, С.Г. *Крах СССР. Кто виноват?* М.: Алгоритм, 2016.
- Керсновский, А.А. *История Русской Армии в 4-х тт. (1933-1938).* Т.4. М.: Голос, 1994.
- Куртуа, С., и др. *Чёрная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии* М.: «Три Века Истории», 1999.
- Мартынов, Е.И. *Царская армия в февральском перевороте. Политика и стратегия.* М.: Изд. дом «Финансовый контроль», 2003.
- Никонов, В.А. *Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего?* М.: ЭКСМО, 2020.
- Пайпс, Р. *Русская революция. Книга 1. Агония старого режима 1905—1917.* М.: изд. дом Захаров, 2005.
- Сидоров, А. Л. *Финансовое положение России в годы первой мировой войны, 1914—1917 гг.* М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Сталин, И.В. *Вопросы ленинизма. 11 изд.* М.: 1945.
- Струмилин, С. Г. *Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913-1922 г.* М.: Вопросы труда, 1923.
- Струмилин, С. Г. *Очерки экономической истории России и СССР.* М.: Наука, 1966.
- Струмилин, С.Г. *Проблемы экономики труда.* М.: Наука, 1982.

- Hauschofer, K. *Grenzen in ihrer geographischen und politischen bedeutung.* Berlin–Grunewald, 1927.
- Huntington, S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.* New York: Simon and Schuster, 1996.
- Mackinder, H.J. *Democratic Ideals and Reality.* New York: Holt, 1919.
- Mahan, A. T. *The Influence of Sea Power Upon History, 1660—1783.* Boston: Little, Brown & Co., 1890.
- Rükkert, H. *Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung.* v.1. Leipzig: 1857.
- Spengler, O.–A. G. *Der Untergang des Abendlandes.* Wien: Braumüller, 1918 (Band 1: Gestalt und Wirklichkeit); München: C. H. Beck, 1922 (Band 2: Welthistorische Perspektiven).
- Spykman, N.J. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power.* New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.
- Toynbee, A. J. *Study of History.* London, New York, Toronto: 1934-1961.
- Wallerstein, I. *The Modern World-System.* vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789—1914. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 2011.

Bibliography

Published

- Gogol', N.V. «Nuzhno proyezdit'sya po Rossii (Iz pis'ma gr. T...mu). 1845.» *Izbrannyye mesta iz perezpiski s druz'yami. Polnoye sobraniye sochineniy N.V. Gogolya*, vol.8, 1952, 307-308.
- Lenin, V.I. «Mayevka revolyutsionnogo proletariata. Gaz. «Sotsial-Demokrat», 1913, 15 iyunya» *Polnoye sobraniye sochineniy V.I. Lenina*, vol.23, 1973. 296 – 305.
- Marx K.H. and F. Engels. *Manifest der Kommunistischen Partei* (London, 1848)
- «Putin nazval Rossiu otdelnoi civilizaziei», *The Kommersant*, 2020, May 17. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4347719?from=hotnews> (25.05.2020 accessed data);

Books

- Danilevski, N.I. *Rossia I Evropa: Vzgliad na kulturnie I politicheskie otnoshenia Slavianskogo mira k Germano-Romanskomy.* SPb., Tip. «Obshestv. Polza», 1871.
- Zubov, A.B. *Istoria Rossii, 20 vek: 1894-1939 M.:* Astrel-AST, 2010.
- Kara-Murza, S.G. *Grajdanskaya voina (1918 -1921) - urok dlia 21 veka.* M., EXMO: ALGORITM, 2003.
- Kara-Murza, S.G. *Krakh SSSR. Kto vinovat?* M.: Algoritm, 2016.
- Kersnovski, A.A. *Istoria Russkoi Armii v 4-h tomah (1933-1938), vol.4.* M., Golos, 1994.
- Kurtua, S., Vert, N., Panne, J.-L., Pachkovski, A., Bartoshek, C., Margolen, J.-L. *Chornaya kniga kommunisma: prestuplenia, terror, repressii.* M., «Tri Veka Istorii», 1999.
- Martinov, E.I. *Tzarskaya armies v fevral'skom perevorote. Politika I strategiya.* M., Izd.dom "Finansovii kontrol", 2003.
- Nikonov, V.A. *Kod civilizazii. Chto z'det Rossiu v more budushego?* M.: EXMO, 2020.
- Pips, R. *Risskaya revolution. Kniga 1. Agonia starogo rejima, 1905-1917.* M.: ISD. «dom Zaharova», 2005.

- Sidorov, A.L. *Finansovoe pologenie Rossii v godi pervoi mirovoi voini, 1914—1917*. M.: Izd. AN SSSR, 1960.
- Stalin, I.V. «O dialekticheskom i istoricheskom materializme». *Voprosi leninizma, 11 ed.*, 1945, 535-563.
- Strumilin, S.G. *Zarabotnaya plays I proizvoditelnost truda v russkoi promishlennosti za 1913-1922*. M.: Voprosi truda, 1923.
- Strumilin, S.G. *Ocherki ekonomicheskoi istoric Rossii I SSSR*. M.: Nauka, 1966.
- Strumilin, S.G. *Problemi truda*. M.: Nauka, 1982.
- Hauschofer, K. *Grenzen in ihrer geographischen und politischen bedeutung*. Berlin–Grünwald, 1927.
- Huntington, S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New-York: Simon and Schuster, 1996.
- Mackinder, H.J. *Democratic Ideals and Reality*. New York: Holt, 1919.
- Mahan, A. T. *The Influence of Sea Power Upon History, 1660—1783*. Boston: Little, Brown & Co., 1890.
- Rückert, H. *Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung, v.1* Leipzig, 1857.
- Spengler, O.–A. G. *Der Untergang des Abendlandes. Band 1: Gestalt und Wirklichkeit, Band 2: Welthistorische Perspektiven*. Wien: Braumüller, 1918; München: C. H. Beck, 1922.
- Spykman, N.J. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.
- Toynbee, A. J. *Study of History*. London; New York; Toronto, 1934-1961.
- Wallerstein, I., *The Modern World-System, vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789—1914*. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 2011.